Е. А. Иваньшина[1]

О возможных исторических подтекстах повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»

Говоря об очевидном эсхатологизме мироощущения Булгакова, Е. А. Яблоков отмечает, что излюбленная тема писателя — «"конец света", культурно-исторический крах, подобный тектоническому разлому, смена культурной парадигмы» [1]. «Точке разрыва времен», перерыва постепенности, в которую писатель постоянно ставит своих героев [2], в мифо-ритуальной практике соответствуют переходные обряды. Разрыв времен, перерыв постепенности — граница, то есть черта, на которой кончается одна периодичная форма и начинается другая [3]. В традиционной культуре момент перехода ознаменован карнавалом, определяющими для которого являются моменты смерти и возрождения. Логика карнавала — логика изнанки, оборотности, пространственно-временной инверсии [4].

«Собачье сердце» [далее — СС] — святочная повесть: ее фабула приурочена к святочному времени, которое является временем кризиса, связанного с исчерпанием старого годового цикла и переходом в новый. Это время как нельзя лучше соответствует тому историческому событию, которое здесь изображено и которое можно обозначить как переворот/преображение. В СС событие переворота удвоено: социальный переворот (революция и смена власти, инвертирующая отношения между "верхами" и "низами") воспроизведен в научном опыте Преображенского, цель которого — омоложение — связана с временной инверсией. Е. А. Яблоков замечает, что

[1] **Иваньшина Елена Александровна** (Воронеж). Доктор филологических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета

«говорящая» фамилия 'Преображенский' предстает смысловой «обманкой», потому что речь идет не о преображении собаки в человека, но о воскрешении Клима Чугункина. Тогда больше подошла бы фамилия прототипа — Воскресенский (фамилия второго мужа матери М. А. Булгакова) [5]. Однако в религиозном сознании идея преображения жизни <через ее мистическое осмысление> мыслится именно как воскрешение мертвых. Внутренней посылкой идеи преображения являются слова апостола Павла из 1 Послания к коринфянам «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут», с чем связано противопоставление внешнего (ветхого, плотского) и внутреннего (нового, духовного) человека. Идеальный ориентир для внутреннего человека — Христос, путь к нему — подражание [6]. Так что здесь подходят обе фамилии, в то время как идею «внутреннего» человека в травестированном варианте представляет Шарик.

Е. А. Яблоков объясняет топографическую семантику фамилии, связывающую профессора с Шариком и Чугункиным, которые тоже «преображенские» (Шарик родился во дворе у Преображенской заставы, Чугункин в пивной у Преображенской заставы погибает) [7]. Фамильная семантика отсылает к Преображенскому дворцу — как к дворцу, построенному царем Алексеем Михайловичем, правление которого ознаменовано церковным расколом. Нас же интересует не алексеевский, а петровский след этой истории, потому что именно Петр использовал язык святочной травестии для утверждения своей власти. Семантика преображения в петровских пародийных акциях была эксплицирована. Свои «потехи» Петр систематически приурочивал к святкам как традиционному карнавальному сезону. В частности, 27 декабря 1681 г. во время святочных торжеств состоялось рукоположение первого патриарха Всешутейшего собора (М. Ф. Нарышкина), что и означило рождение нового, преображенного царства на месте уходящего царства Алексея и эмансипацию младшего царя от патерналистской и клановой политической модели [8]. В

парадигму «войны за веру», о которой пишет Е. А. Яблоков применительно к СС [9] и к которой «притягиваются» несколько разновременных исторических аллюзий, укладывается и политика Петра Первого, чья политическая теология, сопровождавшая превращение Московии в императорскую Россию, тоже была осмыслена в свете идеи преображения как перехода в новую веру [10]. В течение тридцати лет царь и его приближенные участвовали в кощунственных церемониях, карнавальных действах, пародировавших священные таинства и утверждавших божественную природу царской власти. Игровой мир Петра возник в Преображенском; с него и начинается история Преображенного царства, под именем которого объединены военные игры и шутовские обряды первого императора [11].

Петровские преобразования затрагивают тему происхождения: заслуги перед государством, знания и умения постепенно выдвинулись на первый план и стали заслонять преимущества, обусловленные родовой принадлежностью. Вопрос о происхождении задает себе и Шарик, оказавшись в квартире Преображенского (задумывается о бабушке, согрешившей с водолазом). Тот же вопрос оказывается актуальным в связи с признаками, обнаруживающимися в экспериментальном существе [12]. Как и в «Роковых яйцах», здесь срабатывает фактор недооценки «происхождения» материала.

Именно петровское время традиционно представляется как время коренного перелома, переводящего Россию на новый, европейский путь развития, что было ознаменовано, в числе прочих культурных реформ, реформой календаря. Поэтому петровские ассоциации при описании другого исторического перелома представляются нам наиболее «сильными» и мотивированными, если соотносить два исторических «среза».

Медицинские опыты Преображенского тоже восходят к петровскому времени: именно Петр, возвратившись в 1698 году в Россию из Европы, где он познакомился с известными анатомами и посещал анатомические театры, учреждает в

Москве в 1699 году лекции по анатомии с демонстрациями на трупах, основывает медицинские учреждения и регламентирует медицинскую деятельность [13]; «в допетровской России медицинские манипуляции на мертвом теле расценивались как нарушения обычаев погребения, глумления над телом покойного» [14].

Мотив покойника (мертвеца) распространен в святочных сюжетах: покойник мстит за нанесенную обиду или встает из гроба и пугает людей [15]. Подобное происходит и в булгаковской повести, где в результате опыта Преображенского воскресает Клим Чугункин. Не следует забывать, что Чугункин — заложный покойник, так как умер он не своей смертью; такие покойники представляют опасность для живых, причиняют беспокойство своими хождениями. Этот факт (насильственной смерти) должен был бы повлиять на успех операции: недожитый век Клима достался Шарикову.

В СС последовательно создается святочный образ перевернутого мира; символом этого мира становится пес, имя которого имеет и космические коннотации (мир=шар). Шар — одно из названий бани [16]. *Чугунка* (ср. с фимилией *Чугункин*), как и *каменка* — название печи (с ядрами и чугунным боем), которая является важнейшей частью бани [17]. Баня и печь [18] связаны с семантикой перехода (это традиционные каналы связи с потусторонним). К той же семантической парадигме относятся клиника и кухня [19]. Баню (потоп) устраивает в квартире профессора Шариков; к банно-прачечной теме относится и трест очистки, в который он устраивается работать [20]. Печь имеет непосредственное отношение к рождеству и связана с темой Богородицы [21]. В СС тема «чудесного рождения» вписана в «пречистенский» топографический контекст: действие происходит в районе Пречистенки, Преображенский назван пречистенской звездой [22].

В святочный период смерть представляют ряженые. Основной принцип ряженья — выворачивание одежды наизнанку — работает и в случае с Шариком/Чугункиным/Ша-

риковым. Если операция — пересадка Шарику ("внешнее") органов Чугункина ("внутреннее"), то в результате мы имеем, наоборот, Шарика, как бы спрятанного в тело Чугункина. Происходит перекодировка внешнего и внутреннего, что соотносимо с выворачиванием.

К святочным мотивам относятся мотив нечистой силы, мотив метели, волчий мотив. В частности, волка (мороза, ведьму и др.) приглашали к ужину, где он замещал умерших родственников [23]. Шариков – как раз такой волк (оборотень).

Святочный принцип отношения к жизни включает в себя насмешку над старостью, смертью, обманутым мужем [24]. Этот принцип в СС «работает» благодаря Преображенскому, который играет две святочные роли: доктора и кузнеца. Кузнец в играх ряженых занимается тем же самым, что составляет род деятельности профессора, — омолаживанием стариков. Кузнец кует венцы и кольца — атрибуты брака (ср.: Преображенский своими врачебными манипуляциями способствует возобновлению сексуальной активности стариков).

Эксперимент Преображенского с Шариком тоже имеет непосредственное отношение к Святкам. В числе традиционных святочных масок есть маска «умруна» (покойника), который неожиданно оживает. В «Собачьем сердце» умрун — Чугункин. Фамилия *Чугункин* [25] перекликается также с булгаковскими чугунными людьми-памятниками: «чугунным черным Владимиром» (памятник крестителю Руси) в «Белой гвардии» и — позднее — «чугунным человеком» (памятник Пушкину) в «Мастере и Маргарите» [26]. Через князя Владимира «чугунная дорожка» ведет к другому Владимиру – Ленину, чья деятельность была направлена на преображение мира и который скончался в январе 1924 года. Начало создания повести датируется январем 1925 года. Тело Ленина и донорские органы Чугункина (взятый от трупа материал был принесен Борменталем в дурно пахнущем чемодане) — напрашивающаяся ассоциация. Первый мавзолей «спешно строили в январские дни 1924 г. из

архангельской, т. е. лучшей, сосны: брусья и доски готовили на Сокольническом лесном складе <...> Мавзолей получил тогда вид "темно-серого куба, увенчанного небольшой трехступенчатой пирамидой"» [27]. Второй деревянный мавзолей был построен к маю 1924 года. Идея жизни после смерти и связанный с ней образ пирамиды отсылают к египетской теме, которая в булгаковской повести выражена через «Аиду» — любимую оперу Преображенского, посещение которой носит ритуальный характер. В финале «Аиды», действие которой происходит в Египте, начальника дворцовой стражи Радамеса живьем замуровывают в подземелье храма бога Ра.

Ленин — главный «умрун» затянувшихся русских святок. По мнению М. Каганской, в процессе очеловечивания Шарик проходит те же этапы, что и товарищ Ленин в процессе расчеловечивания, эволюция одного и деградация другого зеркальны. Шарикова сближает с Лениным склонность к сквернословию. Борменталь характеризует ругань Шарикова как «методическую» — последнее словечко взято из ленинского лексикона [28].

Похороненный заживо (вождь, который мифологизировался как вечно живой) и оживленный покойник — симметричные смыслы. К «мавзолейной» теме «притягивается» и чучело совы, которым интересуется Шарик [29], и манипуляции профессора, связанные с бальзамированием биологического материала («В отвратительной едкой и мутной жиже в стеклянных сосудах лежали человеческие мозги. Руки божества, обнаженные по локоть, были в рыжих резиновых перчатках, и скользкие тупые пальцы копошились в извилинах. Временами божество вооружалось маленьким сверкающим ножиком и резало желтые упругие мозги» [30]). Борменталь предлагает профессору накормить Шарикова мышьяком. Это может быть связано с муссировавшимися в партийной среде слухами о том, что Сталин отравил Ленина [31].

Преображенский у Булгакова выступает оппонентом революционного переустройства мира, он традиционалист; про-

блема *омоложения,* которой он занимается, предполагает определенную стратегию управления временем [32] — умение обращать его вспять, к точке Первотворения, что характерно для ритуала, в котором суть и смысл *обновления* воплощены в максимальной степени [33]. Тема переделывания мира (или его преображения) является ключевой и для календарных обрядов, и для обрядов жизненного цикла [34]. В булгаковской повести, тематизирующей переделку мира, ситуация перехода воспроизводится на трех уровнях: 1) смена исторической парадигмы; 2) смена календарного года; 3) завершение жизненного цикла (возможная смерть Шарика и смерть Чугункина).

Ритуальную ситуацию в СС можно обозначить как «чужое в своем», как в случае смерти или рождения ребенка (смерть представляет Чугункин, ребенком является Шариков); «своему» в этом случае отводится функция защиты границ. «Чужое» либо выпроваживается (вынос покойника), либо превращается в свое (превращение новорожденного в человека). «Свое» — квартира Преображенского, обособленностью напоминающая остров. «Чужое» появляется в квартире сначала в лице Швондера и его шайки; «чужим» становится дом, перешедший в управление Швондера, так что «свое» пространство окружено «чужим» и угрожающе сужается (уплотнение). Одной из причин совершения ритуала как раз и является сужение «своего» пространства, размывание границ между «своим» и «чужим», стремление «чужого» поглотить «свой» мир [35].

Научный эксперимент Преображенского выполняет ритуальную функцию, разрушая границу между «своим» и «чужим» мирами (впускает смерть), что совершенно «законно» как раз в период основного годового ритуала, когда картина дезорганизации и бесструктурности создавалась намеренно (в частности, с помощью ряженья), как ситуация временного хаоса, необходимая для обновления мира, разделения сфер и упрочения границ между ними [36]. В ритуале с помощью серии обменов восстанавливается утраченное равновесие между «своим» и «чужим», причем это восстановление является одновре-

менно и преобразованием, которое чаще всего интерпретируется в традиционной ритуалогии как «смерть — возрождение» [37]. Именно это — нарушение границы и ее восстановление — и происходит в событийной цепочке СС. Первая операция нарушает исходный порядок: совершается подмена живого («своего») мертвым («чужим»). В лице Шарикова происходит вторжение «чужого» (смерти) в пределы «своего», что и означает продолжение (усугубление) кризисной фазы: квартира Преображенского тоже получает признаки чужести, которые еще раньше получил калабуховский дом. Это негативное, обратное по сути действие имеет важное ритуальное значение, являясь 'негацией негативного' (погашением нежелательного) и обеспечивая возврат к ближайшему генерационному узлу, из которого начнется правильная генерация [38]. Изнаночные действия Преображенского (операция) как бы дублируют действия вредоносных сил, но фактически (если исходить из ритуальной логики) направлены против них. Первая операция соотносима с изготовлением ритуального символа (куклы, чучела), который, пожив немного, будет уничтожен второй (обратной) операцией; уничтожение символа означает завершение кризиса и восстановление порядка в квартире (возвращение к изначальной ситуации), которое, в свою очередь, должно способствовать восстановлению порядка в доме (одолению Швондера). Дом — модель истории. Как и подобает жрецу, Преображенский все делает правильно, то есть в соответствии с ритуальной (святочной) логикой. Опыт Преображенского вписывается в опыт истории как текст в текст (подобным образом профессорская квартира вписана в калабуховский дом, который разрушает Швондер) и удваивает его в функции метатекста. Но исторический и научный эксперименты в повести зеркальны (направлены в противоположные стороны).

Согласно М. Бахтину, карнавал празднует уничтожение старого и рождение нового мира — нового года, новой весны, нового царства [39] — и является низовым противове-

сом официальной культуре, переворачивая устоявшуюся иерархию и реализуя программу антиповедения. Если многие писатели и представляли революцию праздником обновления мира и человека, то М. Булгаков был явно не из их числа. Когда официальная культура становится на путь разрушения, когда верх и низ меняются местами окончательно, сделав апокалипсис нормой жизни, возникает необходимость противостояния такому «карнавалу сверху» [40]. М. Булгаков осуществляет такое противостояние с позиций хранителя культуры, используя язык карнавала для утверждения старых, традиционных ценностей, то есть в функции 'отрицания отрицания', чтобы аннулировать неправильную генерацию и возобновить правильную.

1. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 90-91.

2. Там же. С. 90.

3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПБ., 2001. С. 257.

4. См.: Бахтин М. М.Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

5. Яблоков Е. А. Фрагменты несуществующего комментария к повести «Собачье сердце» // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвуз. науч. конф. Ижевск, 2009. Вып. 8. С. 191-192.

6. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 148. Логика «преображенского» стихотворения Б. Пастернака «Август» (1953 г.) — именно логика преодоления смерти, которую герой переживает во сне, так что пробуждение соотносимо с воскресением (герою снятся собственные похороны).

7. Яблоков Е. А. Фрагменты несуществующего комментария… С. 193-194.

8. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 70.

9. Яблоков Е. А. Фрагменты несуществующего комментария… С. 198.

10. На связь темы революционных преобразований с петровским мифом и распространенность этой аналогии в России 1920-х годов указывает Е. А. Яблоков. См.: Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. С. 65.

11. О Преображенном царстве см.: Зицер Э. Указ. соч.

12. О значимости этой темы в СС и о 'незаконности' происхождения Шарикова в связи с происхождением Смердякова как одного из его литературных прототипов см.: Жолковский А. К. О Смердякове (К проблеме «Булгаков и Достоевский») // Лотмановский сборник – 1. М., 1995. С. 569-570.

13. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII – XIX веков. М., 2005. С. 37-39.

14. Там же. С. 41.

15. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995. С. 202.

16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1935 (воспроизведено со второго издания 1880-1882 гг.). Т. 1. С. 45.

17. Значения слова 'чугунка' – чугун, горшок, корчага // биток, чугунная бабка // железная дорога. См.: Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 630.

18. Печь в бане – своеобразный «текст в тексте».

19. В СС кухня – профессиональный секрет хозяина квартиры (ср. с секретом квартиры Зойки). В этой связи кухонное царство Дарьи *Петровны* (знаковое отчество!) — пример удвоения кода, своего рода метатроп. О сходстве Дарьи Петровны с профессором см.: Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 154.

20. В связи с трестом очистки и собачьим происхождением Шарикова работает и ассоциация с опричниной Ивана Грозного. См.: Яблоков Е. А. Фрагменты несуществующего комментария… С. 195.

21. См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. М., 1984. С. 160.

22. На ассоциацию «пречистенских» координат с образом Пречистой Божьей матери указывает Б. Гаспаров. См.: Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 95.

23. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 202.

24. Душечкина Е. В. Указ. соч. С. 71.

25. Как отмечает А. Жолковский, обычно фамилию 'Чугункин' возводят к фамилии 'Сталин', а имя 'Клим' — к имени Ворошилова. См.: Жолковский А. К. О Смердякове… С. 576.

26. О «чугунных» людях см.: Яблоков Е. А. Нерегулируемые перекрестки. М., 2005. С. 74-75.

27. Черашняя Д. И. Поэтика Осипа Мандельштама: Субъектный подход. Ижевск, 2004. С. 252.

28. См.: Каганская М. Смерть вождя // http://plexus.org.il/texts/kaganskaya_sobachia.htm

29. Сова — пародийный двойник самого Шарика (и Чугункина), тогда как Преображенский — чучельник. Раздирающий сову Шарик — пародийный двойник профессора.

30. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. Повести. Записки юного врача. Морфий. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 188. Комментируя эту позицию, Е. А. Яблоков отмечает, что тема исследований мозга обрела особую актуальность в связи со смертью Ленина. 24 января 1924 года его мозг и сердце были переданы в Институт В. И. Ленина, где сохранялись около года. В то же время было принято решение об организации лаборатории по изучению мозга Ленина. См.: Там же. С. 533.

31. Черашняя Д. И. Указ. соч. С. 265, 276.

32. Своя стратегия обращения со временем, как известно, была и у Петра. Подробно об этом см.: Погосян Е. А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.

33. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 14.

34. Там же. С. 126.

35. Там же. С. 187.

36. Там же. С. 133.

37. Там же. С. 148.

38. О 'негации негативного' и о смысле изнаночных актов см.: Фарино Е. Паронимия – анаграмма – палиндром в поэтике авангарда // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 21. C. 50-51.

39. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 454.

40. Ср.: «<…> под Порядком, подрыву которого посвящён Карнавал, может пониматься как старый, так и новый режим». См.: Жолковский А. К. Блуждающие сны... С. 154.